

ПЕСНИ И РОМАНСЫ А. МЕРЗЛЯКОВА
М. 1830 г., в т. С. Селивановского. VI и 110 стр.

Поколения различаются одни от других понятиями, поверьями, вкусами, и это естественно и необходимо. Но жаль, что соседственные одно к другому поколения часто заводят между собою о сем различии споры и даже ссоры, а это вовсе нехорошо и несправедливо. Споры обыкновенно идут о том: *кто* лучше и *чье* лучше? Такие споры между поколениями бывают о политике, гражданском быте, даже о женщинах. Так, например, и в наше время: старики с досадою смотрят на молодежь, выхваляют свое старое, *доброе* время, и тишину умов и вкусов, и шаркливую вежливость своих обществ, и прелесть своих красавиц в мушках и робронах. А молодежь? Уступает ли она? Куда! и думать не хочет! «Уступить старикам, дряхлым, отставшим, скучным?» — кричит молодежь. Старики, рассердясь, в свою очередь называют молодых дряхлыми душою, бегущими сломя голову вперед, буйными,жимают плечами при котильонах, при новых модах

81

и — даже смотря на милых современниц наших (с их *китайскою* прическою и *слоновыми ушами* на рукавах), прыгающих галопад!

Как решить? Спасибо, есть судья, решающий споры: этот судья — *время*. Одинаково стирая пудру с головы старика и румянец с лица юности, оно все уравнивает. Мелкие отношения забываются; великие истины, великие вопросы каждого поколения передает время детям своим, *векам*.

Благодарны за труд его, но между тем: что нам делать с спорами поколений современных? Надобно же для *настоящего* решать их чем-нибудь и как-нибудь! Споры сии касаются всего. Человек — творение преупрямое и преспорливое.

Так, например, о современных двум поколениям писателях — несогласиям конца нет! Говорим не о великих и вековых, но о писателях хотя и не великих, но достойных памяти и уважения. Спросите у стариков о *Мерзлякове* — это гений, это глубокомысленный критик, поэт великий, оратор чудный. Спросите у молодых — другая крайность!

По нашему мнению, весь спор именно состоит в том, что обе стороны впадают в крайности. Собственно честолюбие и эгоизм спорщиков вмешиваются также в тяжбу, и вмешиваются весьма сильно. Вы оскорбляете старика, который некогда был в восторге от трагедий Княжнина, говоря ему, что сии трагедии не хороши; холодность вашу он назовет бесчувствием, осуждение — испорченностью вкуса. Сам он не признается вам, что его *я* играло в его суждении первую роль: он был тогда молод, влюблен, находился в тех или других отношениях и, может быть, за стихи Княжнина, им читанные, награждаем был взором и слезою милой вашей бабушки. *Таких* взоров, *таких* слез... не забывают.

В наше время найден, однако ж, путь к философическому воззрению на предметы. Нынешний *эkleктизм* и совсем не бесчувствие, но опытная мудрость. Тщеславиться нечем, что старики наши его не знали: он составиля не нами, но временем. *Эkleктизм*, при методе *исторической критики*, при *этнографической*, так сказать, *эстетике*, дает нам средства быть справедливыми ко всем и ко всему. Все это не сделалось

еще общею принадлежностью нашего века, но число избранных уже довольно велико.

Рассматривайте каждый предмет не по безотчетному

82

чувству: *нравится, не нравится, хорошо, худо*, но по соображению историческому веку и народа и философическому важнейших истин души человеческой. Так смотря, индийская «Саконтала»¹, Омирова «Илиада», Расинова «Андромаха», Шекспиров «Гамлет» и Гетев «Фауст» покажутся вам в истинном их свете. Уступим мелкие наши отношения по крайней мере в мире изящного! Довольно и того, что эти комары страстей жужжат в прозе нашего общественного быта...

Если смотреть с такой точки на Мерзлякова как литератора, то найдем, что он, по своему времени и по своим способам, был достойный преемник Ломоносова, имя его навсегда останется в истории нашей литературы. Но хотеть, чтобы мы восхищались им, как восхищались от его стихов и прозы лет за тридцать — не прогневайтесь — требование нелепое! Мерзляков не может быть *для нас* ныне предметом ни восхищения, ни подражания.

Как человек, Мерзляков был явление замечательное. Сын бедного пермского жителя — он рано почувствовал жажду познания и сознал поэтическое дарование свое. Лет сорок тому написал он первую свою оду², обратившую на него, бедного мальчика, внимание Екатерины. Что тогда было не только у нас, но и в Европе? Надлежащее изучение классиков было неизвестно; французский классицизм владел повсюду деспотически; романтический мир средних веков и Восток были чужды;

мир романтизма нового существовал отдельно, но вообще не сказался еще себе; о народности имели понятия ложные. В этом состоянии, в этом веке Мерзляков делал все, что было можно, и делал как человек дарований отличных.

Не говорим о труде, который должен был перенести Мерзляков, чтобы образовать в себе из сына малограмотного купца отличного профессора³, ученого человека, принесшего практически важную пользу. Но Мерзляков сделался одним из лучших стихотворцев и прозаиков своего времени. Оды его исполнены поэзии гораздо более од Ломоносова и Петрова. Глядя сквозь стекло французского классицизма, Мерзляков передавал, в этом отношении, превосходно и Омира, и Тасса, и *Виргилия*⁴ Как последователь Лагарпа, он был теоретиком умным и красноречивым, сражался с предрассудками и современными нелепостями неустрашимо — указывал и на нескладицу Сумарокова, и громадную пустоту Хераскова, и поддельный эллинизм Озерова⁵. Таковы были его заслуги вообще. После Гнедича *Омир Мерзлякова* не для нас⁶. Дезульер

забыли и в подлиннике; на Горация, *Виргилия* смотрят иначе. О «Синаве» и «Россияде»⁷ не спорят; од торжественных вообще не читают — но виноват ли Мерзляков? Нет! вините его век, а литературной чести у него не отнимайте. Дай бог, чтобы в наше время являлись свои Мерзляковы. Покажите нам хоть одного человека, который бы в *наш* век был тем, чем он был в свой век?

С сей же точки зрения смотреть должно на «Песни и романсы» Мерзлякова, ныне в первый раз вполне

собранные и изданные г-м книгопродавцем Салаевым, и — прибавим — изданные весьма хорошо и опрятно. Не знаем: кто разделил на два отделения это собрание, означив 13 пьес *песнями*, а 24 *романсами*? Разделение неверно. «Жизнь смертных тяжелое бремя» и другие пьесы совсем не романсы. К 13 *песням* отнесены собственно в русском народном духе написанные пьесы.

Сличите романсы и песни (не русские собственно), сочиненные Мерзляковым, с тем, что до него писали, — какая разница! «Желания наши совершились», «Я в пустыню удаляюсь», «Чистый источник, ты всего милеем», «Заря утренняя взошла» — сменились его песнями: «Когда б я был любим», «Простите обольщенья» и проч. Разумеется, теперь редкий из порядочных наших стихотворцев не напишет лучше, после Жуковского, Пушкина. Но прежде Мерзляков был выше всех других по искусным стихам, уступая только одному Нелединскому в силе чувства. Зато стихи Нелединского были весьма плохи.

Мерзляков первый почувствовал прелесть простых русских песен. При голосе Сандуновой и мелодиях Кашина он очаровывал некогда предложением русских песен, *предложением*, повторяем, ибо тогда не иначе слушали народные песни. Да и теперь не так ли их многие понимают? Не чувствуя, что в народных думах, в простоте, грубости вымысла и изложения заключаются красоты необыкновенные, нам хотят гладить, лощить, исправлять песни народа, и — портят их. Выходит какая-то смесь щегольства с дикостью и простотою, какие-то театральные пляски с *па* и *антраша*, крестьяне в маскараде... ошибка страшная и нестерпимая!

Этой ошибки не избежал Мерзляков, ибо тогда все так думали. Песни Стеньки Разина, богатство поэзии в самых простонародных песнях почли бы нестерпимым

мужичеством, и то, от чего теперь дрожит наша русская душа, сильно бьется наше русское сердце, конечно, заставило бы носик не одной красавицы 1800 года вздернуться

84

с негодованием. Но отдадим справедливость Мерзлякову: он лучше всех понимал истинную прелесть народных русских песен, и ни до него, ни после него никто не перелагал их так просто и, следовательно, хорошо⁸. В стихах:

У тоски моей нет крыльев полететь,
У души моей нет силы потерпеть,
У любви моей нет воли умереть...⁹

или в других:

Как же слушать пересудов мне людских?
Сердце любит, не спросясь людей чужих;
Сердце любит, не спросясь меня самой!
Вы уймьтесь, злые люди, говорит —
Не уйметесь, научите не любить¹⁰ —

слышите неподдельное русское слово, русское поверье. Но из бесчисленных красот народности Мерзляков брал мало, робко; у него немного стихов, подобных приведенным нами. Хотите ли видеть, как он спадал с народного голоса?

Не расти б *пустыне* хмелю без *подпоры*,
Не цвести цветам под солнышком осенним,

*Мне не можно жить без милого тирана.
Не браните, не судите меня, люди:
Я пропала не виной, а простотою.
Я не думала, что есть в любви измена,
Я не знала, что притворно можно плакать,
Я в слезах его читала клятву сердца...¹¹*

Курсивом напечатанное — явная ошибка... «Пустыня», «тиран» и еще «милый», «притворное плаканье», «клятва сердца в слезах» — это фонтенелевское, мармонтелевское аханье, которое, конечно, выкупается превосходными словами: «Я пропала простотою, не виною» и русским сравнением цветов под осенним дождичком, но тем не менее тут ошибка, и грубая, подобная той, что в 12-й песне Мерзлякова, русской, народной¹², является — «Лилла» («Лилла, Лилла! чем уверить мне тебя!»). Это все равно что называть красную русскую девицу Хлоя Петровна, Ниса Яковлевна, Аминта Сергеевна...

Извиним все такие недостатки века и отдадим справедливость дарованию поэта. Иначе, хваля и презирая без отчета, мы будем несправедливы.